

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(367):3.076-058.12»9|11» ББК 63.3(2)41-6-7 DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.001

Ю. Н. Кежа

Полоцкий государственный университет, Полоцк, Республика Беларусь. kezha04@mail.ru

КНЯЖЕСКИЕ ДАРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ

В статье на основе анализа древнерусских летописей исследуется практика княжеских даров в древнерусском обществе XI–XII вв. Определяется, между какими субъектами, при каких обстоятельствах и с какой целью происходила церемония дарения и дарообмена. Рассматривается, какие предметы преподносились в виде даров. Анализ восточнославянских летописных источников дает основания утверждать, что дар и дарообмен являлись одним из ключевых факторов социальной коммуникации и репрезентации власти не только в архаических коллективах и варварских обществах раннего Средневековья, но и в период древнерусской государственности XI–XII вв.

Ключевые слова: дары, дарообмен, князья, княжеская власть, Древняя Русь, древнерусское общество

В Средневековье вручение даров и взаимный дарообмен являлись важнейшими средствами социального общения и взаимодействия. В политической сфере институт даров был одним из основополагающих факторов выстраивания иерархических связей и системы власти-подчинения.

Дар и дарообмен, как необходимый элемент общественной практики и форма социальной коммуникации в доиндустриальных обществах, стал привлекать внимание ученых с начала XX в. Первым исследователем института дарообмена стал французский этнолог М. Мосс. В работе «Очерк о даре» 1925 г. он систематизировал данные о дарах и на широком сравнительном материале показал исключительную роль взаимного обмена в обеспечении благополучия, формировании общественных союзов, а также достижении социальной солидарности. Согласно М. Моссу, в архаических (доиндустриальных) коллективах практика даров и дарообмена охватывала все сферы общественной жизни: политику, экономику, культуру, религию, право [Мосс].

После выхода работы М. Мосса тема даров подробно рассматривалась многими исследователями: этнологами, историками, социальными антропологами, культурологами.

Особое внимание на институт даров в раннесредневековом скандинавском обществе обращал советский и российский медиевист А. Я. Гуревич. Исследователь на примере исландских саг и эпической скандинавской поэзии показал, как обмен дарами и институт пира фигурировал в системе социальных коммуникаций: способствовал установлению и поддержанию дружбы

и побратимства, системы властных отношений, мирного добрососедства и союзничества между племенами и политическими объединениями [Гуревич, 2007б, с. 175–189; Гуревич, 2003].

В рамках историко-сравнительного метода социальные институты пира и дарообмена анализировал польский медиевист К. Модзелевский. В монографии «Варварская Европа» исследователь относит основные принципы организации социальных институтов раннесредневековых германцев и славян к одному культурному кругу [Modzelewski]. В частности, ученый делает вывод, что институт гостеприимства и связанных с ним пира и дарообмена был характерен практически для всех «варварских» народов Европы [Modzelewski, s. 35].

Впервые тема княжеских даров и коллективных пиров в древнерусском обществе была рассмотрена И. Я. Фрояновым. Ссылаясь на работы советских этнографов, посвященные традиционным обществам североамериканских индейцев, эскимосов, папуасов Новой Гвинеи, племен Полинезии и Меланезии, И. Я. Фроянов сопоставляет княжеские пиры и дарения в Древней Руси с архаической традицией потлача [Фроянов, с. 138–148].

В отличие от М. Мосса, А. Я. Гуревича и К. Модзелевского, которые занимались сопоставлением социальных практик коллективов, находящихся на стадияльно близких уровнях развития, И. Я. Фроянов некритично переносит практики дописьменных обществ на общество Древней Руси XI–XII вв. В связи с этим возникает потребность в рассмотрении социокультурных практик Древней Руси в сравнении с обществами хронологически или стадияльно близкими к древнерусским.

Изучая взаимоотношения князя и дружины в Древней Руси, большое внимание институту пира и вручения даров уделяет И. Н. Данилевский [Данилевский, 1998, с. 116–125]. В изучении славянских коллективов, в частности общественных представлений славян о княжеской власти, положения М. Мосса использовал А. С. Щавелев [Щавелев, с. 136–137]. Взаимное вручение даров как проявление прямых личных связей и раннесредневековой коллективной солидарности анализировал белорусский историк А. И. Груша [Груша].

К теме даров и пиров в западнославянском и древнерусском обществах XI–XII вв. обращался П. В. Лукин. С институтами пиров, праздничных церемоний, обмена дарами исследователь связывает традиции вечевых собраний. Данные явления, зачастую происходящие одновременно, были характерны для европейских обществ раннего Средневековья и являлись способами легитимизации и репрезентации власти, проявлением взаимоотношений между властью, элитарными группами и рядовыми слоями населения [Лукин, 2006, с. 134–145].

Несколько лет назад теме обмена дарами в регионах Западной Европы, Византии и Руси периода Средневековья и раннего Нового времени была посвящена отдельная коллективная монография. Среди разделов данной работы стоит отметить статью А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, в которой на основе письменных источников рассматриваются основные формулы вручения даров в древнерусском и скандинавском обществах IX–XII вв. [Литвина, Успенский, 2016]. В значительно расширенном виде положения исследователей были воплощены в отдельной монографии [Литвина, Успенский, 2018, с. 69–71].

При наличии историографической традиции, посвященной осмыслению института даров и дарообмена на примере Восточной Европы X–XII вв., следует отметить, что исследователями рассматривались лишь отдельные аспекты данного явления. Вручение даров анализировалось в контексте изучения процессов классового образования [Фроянов, с. 138–148], взаимоотношений князя и дружины [Данилевский, 1998, с. 116–125], вечевых собраний [Лукин, 2006, с. 134–145], приобретения политической власти посредством традиции потлача [Щавелев, с. 136–137], этикетных формул, связанных с щедростью правителя [Литвина, Успенский, 2018, с. 9–20]. При этом не ставилось цели рассмотреть случаи вручения даров и взаимного обмена в комплексе, а именно всех обстоятельств и причин одаривания.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, вручение даров и дарообмен в Древней Руси наиболее полно отразились на примере княжеской династии Рюриковичей. В этой связи цель данной статьи – рассмотреть практику *княжеских* даров в древнерусском обществе XI–XII вв.

Среди основных задач статьи можно выделить следующие: 1) определить, между какими субъектами происходил процесс дарения и дарообмена; 2) выявить, при каких обстоятельствах и с какой целью осуществлялись дарения; 3) рассмотреть, что преподносилось в виде даров.

Основными источниками анализа выступают древнерусские письменные памятники: Повесть временных лет (далее – ПВЛ), наиболее ранний список которой сохранился в Лаврентьевской летописи 1377 г. (далее – ЛЛ), Ипатьевская летопись конца XV в. (далее – ИЛ), а также Новгородская первая летопись младшего извода (далее – НПЛ мл).

Первый дошедший до нашего времени древнерусский летописный памятник – ПВЛ – был составлен в начале XII в. При возможном существовании предшествующих летописных сводов древнерусская летописная традиция берет свое начало не ранее первой половины XI в.¹ и отстоит от событий, связанных с первыми русскими князьями, на 100–150 лет. При возможном использовании древнерусскими летописцами устной традиции, а также привлечении непосредственных источников X в. – договоров Руси и Византии 911, 944, 971 гг. – представляется очевидным, что летописцы XI – начала XII в. при описании событий в первую очередь руководствовались политическими и идеологическими реалиями своего времени.

Этим обусловлен выбор нижней хронологической границы исследования – XI в.² Верхняя хронологическая граница – конец XII в. – связана с политическими и социальными изменениями рубежа XII–XIII вв.: усилением политической раздробленности древнерусских земель и постепенным ослаблением связей внутри рода Рюриковичей.

Анализируя летописный материал, можно выделить множество случаев упоминаний княжеских даров и взаимного дарообмена (см. Приложение). Эти упоминания могут быть условно объединены в несколько блоков:

- дары между правителями (представителями) государств (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 таблицы);
- дары князя дружине и своим приближенным (№ 8);
- дары князя городскому населению (№ 9, 10, 11, 12, 13);
- княжеские дары монастырям и духовенству, малоимущему населению – «нищим и убогим» (№ 15, 16);
- взаимные дары между князьями (№ 17, 18).

Отдельно стоит отметить упоминание о вручении даров князю населением города при заключении договора или с целью предотвращения нападения (№ 14), а также сообщения, где описывается щедрость князя после его смерти согласно распространенной в Древней Руси панегирической традиции (№ 19) [Турилов, с. 87].

Дары между правителями (представителями) государств. Первое упоминание о дарах встречается в ПВЛ под 6415 (907) г.³ при описании успешного военного похода киевского князя Олега на Константинополь. Согласно ПВЛ, после заключения мира с греческими императорами Львом и Александром Олег возвращается на Русь с многочисленными дарами: «и при^{ае} Шлегъ к^ь Киевѣ. неса злато и паволоки. и ввощи. и вина. и всакоє оузороучье»⁴.

¹ Начало древнерусского летописания традиционно относят к 1016–1017 гг. [Цукерман, р. 298; Михеев, с. 122] или 1030-м гг. [Шахматов, с. 295; Данилевский, 2004, с. 272].

² При этом следует учитывать, что сообщения ПВЛ, описывающие дипломатические процедуры с участием первых киевских князей, могут отражать реальную практику дарообмена X в. Это касается информации ПВЛ о вручении даров и обмена дарами между Олегом, Игорем, Ольгой, Святославом и византийскими императорами.

³ Здесь и далее перевод летописных дат от сотворения мира в даты от Рождества Христова осуществляется с учетом исследования Н. Г. Бережкова [Бережков].

⁴ ПСРА. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 32.

В дальнейшем, при описании договорных отношений между Русью и Византией, летописец указывает на практику даров между византийскими императорами и русскими князьями.

Под 911 г. упоминается о дарах византийского императора Льва VI русскому посольству после заключения мира⁵. В 944 г., согласно ПВЛ, Константин VII Багрянородный преподносит дары князю Игорю для предотвращения нападения войска киевского князя на столицу империи⁶. Также в данном контексте упоминается о дарах Игоря греческим послам после клятвы руси⁷ в соблюдении мира⁸.

Под 971 г. говорится об «испытаниях дарами» Святослава Игоревича и последующем заключении мира между Иоанном Цимисхием и киевским князем⁹.

В контексте дипломатических (возможно, торговых) отношений между Русью и Константинополем ПВЛ содержит информацию о приеме киевской княгини Ольги у византийского императора Константина VII Багрянородного под 955 г.¹⁰ Интересно, что при требовании императором ответных даров он получает недвусмысленный отказ: «Си же Ѡльга приде Киеву и присла к неи црѣ Гречьскїи гл҃а. ѿкъ много дарихъ та. ты бо гл҃ше ко мнѣ. ѿкъ аще возвращюся в Русь. многи дары прѣслю ти челадь. воскъ. и сѣкру. и вои въ помощь. ѿвѣщавши Ѡльга. и ре къ сломѣ. аще тѣ рѣчи такоже постоиши оу мене в Почаинѣ ѿкоже азъ в Сюду то тогда ти дамъ»¹¹.

Договорные отношения между правителями, как правило, предусматривали обоюдный обмен дарами. Видимо, в этом заключался обязательный, этикетный порядок отношений, который киевская княгиня, по представлениям летописца, решила не соблюдать, сославшись на плохой прием в греческой столице.

Своеобразной коммуникацией правителей на расстоянии является вручение даров иноземным послам. Согласно ПВЛ под 986 г., Владимир Святославич во время «выбора веры» особое расположение проявляет к греческому философу, внимательно выслушав его и отпустив с дарами¹². В следующем году, во время «испытания вер», дары уже русским послам вручают византийские императоры Василий и Константин¹³.

Последнее сообщение про дары византийского императора русскому князю относится к 1163 г. В ИЛ упоминается о дарах Мануила I Комнина киевскому князю Ростиславу Мстиславичу¹⁴.

Учитывая легендарный характер сообщения о выборе веры князем Владимиром, как и большинства более ранних летописных статей, информацию об обмене дарами между

⁵ «Црѣ же Левнѣ почти посла Роуѣкыє. дарми. злато^а. и паволоками. и фофодьами» (ПСРА. Т. 1. Стб. 37–38).

⁶ «...се слышавъ црѣ. посла к Игорю лучиѣ боларе. мола и гл҃а. не ходи но возми дань юже ималь Ѡлегъ. придамъ и еще к тои дани. такоже и къ Печенѣгомъ посла. паволоки и злато много» (ПСРА. Т. 1. Стб. 45).

⁷ Под русью в данном случае подразумевается не государство, а сообщество людей, занимающееся трансъевропейской торговлей по рекам Восточной Европы.

⁸ «Игорь же оутвердивъ миръ съ Греки. ѿпусти слы даривъ скорое. и чаладью и воскомъ. и отпусти га. сли же придошъ ко црѣви. [и] повѣдаша вса рѣчи Игоревы. и любовь ѿже къ Грекомъ» (ПСРА. Т. 1. Стб. 54).

⁹ «...црѣ. рѣка сице хочю имѣти миръ с тобо[ю] твердъ и любовь. се же слышавъ [црѣ] радъ быѣ. и посла к нему дары больша первыѣ» (ПСРА. Т. 1. Стб. 71).

¹⁰ «...и дасть ей дары многи злато и сребро. паволоки и сѣсуды различныа. и ѿпусти ю нарекъ ю дъщерью собѣ» (ПСРА. Т. 1. Стб. 61).

¹¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 62–63.

¹² «Володимеръ же сему дары многи вдавъ. ѿпусти и с чѣтью великою» (ПСРА. Т. 1. Стб. 106).

¹³ «Василии и Костантинѣ. рѣста имъ идѣте в землю вашу. и ѿпустиша га с дары велики и съ чѣтью» (ПСРА. Т. 1. Стб. 108).

¹⁴ «...и присла црѣ дары многы. Ростиславу ѡксамоты и паволокы. и вса оузорочъ разноличнаа. посоль же црѣвъ молваше Ростиславу. молвить ти црѣ аще примеша с любовью. бл҃гѣвниє ѿ стѣна Софѣа» (ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 522).

правителями следует воспринимать не столько как реальную дипломатическую практику, сколько как древнерусские представления XI–XII вв. об обязательных взаимных дарах. Византийские императоры не ставили себя в один ряд с киевскими князьями, однако сами киевские князья, начиная с Владимира Святославича, имели определенные амбиции, связанные с осмыслением своего властного статуса, как не уступающего по положению статусу византийского правителя [Данилевский, 1998, с. 355–368]. Вероятно, данные представления отразились в описании истории взаимоотношений ранней руси и Византии, где первые русские князья ничуть не уступают византийским василевсам.

Согласно сведениям ПВЛ, обмен дарами при заключении мира характерен для представителей языческих («варварских») обществ и описывается как универсальный язык договорной коммуникации. Показателен в этом отношении пример заключения мира между воеводой князя Святослава Игоревича Претичем и печенежским правителем после безуспешной осады последним Киева в 968 г.: «ре^а же князь Печенѣжъскїи къ Прѣтичу. буди ми другъ. шнѣ же ре^а тако створю. и подаста руку межю собою. и въдасть Печенѣжъскїи князь Прѣтичу. конь. саблю. стрѣлы. шнѣ же дасть ему. бронѣ. щитъ. мечъ. [и] ѿступища Печенѣзи ѿ града»¹⁵. Примечательно, что дарами в данном случае выступает исключительно оружие, что нехарактерно для описаний случаев дарообмена XI–XII вв.

В этой связи интересно сообщение об «испытаниях дарами» Святослава Игоревича византийцами. В первый раз греки приносят Святославу в качестве даров золото и шелк, но князь не обращает внимания на эти ценности и велит раздать византийские богатства своим приближенным. В следующий раз, когда греческие послы преподносят Святославу оружие, реакция князя противоположна: «и послаша ему мечъ. и ино оружье. и принесоша к нему. шнѣ же приимъ нача хвалити и любити. и цѣлова црѣ. придоша шпать ко црю. и повѣдаша ему вса бывшаа. и рѣша боларе. лють се мужъ хоче быти. ꙗко имѣнья не брежеть. а оружье емлетъ»¹⁶.

В отношениях между правителями государств XII в. княжеские дары выступают как средства заключения мира, политического или военного союза и предполагают принятие сторонами на себя определенных обязательств.

Дары, которые обеспечивали заключение мира, вручает половцам Владимир Всеволодович Мономах. Об этом говорится в его «Поучении»: «...и мировъ есмь створилъ с Половечьскыи князи. безъ шдиногѣ .к. и при шци. и кромѣ шца. а даа скота много. и многы порты своѣ. и пустиль есмь Половечьскыи князь лѣпшии изъ шковъ»¹⁷. В 1191 и 1194 гг. киевский князь Рюрик Ростиславич вручает дары половцам в знак установления мира¹⁸.

Договоры о мире, сопровождаемые вручением княжеских даров, встречаются в Ипатьевской летописи под 1149 и 1150 гг.¹⁹ Зачастую вручению даров предшествовал пир. Так, в 1149/1150 г. киевским князем Изяславом Мстиславичем был устроен пир и приподнесены дары для польского короля Болеслава IV: «Изаславъ же посзва ꙗ к собѣ на шбѣдъ. и тако шбѣдаше быша весели. великою чѣтью оучѣтивъ ѣ и даръми многыи дарова ѣ. и тако поѣхаша. кождо въ своѣа товары»²⁰.

В данных действиях князей просматривается одна из особенностей средневекового общества: заключение союза и взаимные обязательства сторон выражались не в ясной письменной форме с детально составленным договором, а имплицитно – вследствие символических действий [Литвина, Успенский, 2016, с. 16; Груша, с. 13].

¹⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 67.

¹⁶ Там же. Стб. 70–71.

¹⁷ Там же. Стб. 250.

¹⁸ «Тое же зимъ посла Рюрикъ по Коунтоувѣа в Половци. Половци же поемъше и приѣхаша к Рюрикови. Рюрикъ же Половцѣ шдаривъ дары многими. и водивъ и к ротѣ и шпусти ихъ во своѣаши» (ПСРА. Т. 2. Стб. 674).

¹⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 368, 407.

²⁰ Там же. Стб. 386.

Вручением даров сопровождалось стремление получить политическую поддержку, повлиять на выбор политических союзов или изменить соотношение сил [Литвина, Успенский, 2016, с. 16]. Так, в 1097 г. волынский князь Давыд Игоревич вручает дары полякам для того, чтобы они выступили посредниками в установлении мира между ним и киевским князем Святополком Изяславичем²¹. В 1149 г. Изяслав Мстиславич преподносит дары венгерскому, польскому и чешскому королям с целью заручиться поддержкой в борьбе за Киев против Юрия Владимировича²². В 1152/1153 г. галицкий князь Владимир Володаревич преподносит богатые дары венгерскому архиепископу для заключения мира с Изяславом Владимировичем и венгерским королем²³. В 1173 г. галицкий князь Ярослав Осмомысл вручает 3000 гривен серебра и отдает города полякам, чтобы заручиться военной поддержкой в борьбе против киевского князя Ярослава Изяславича²⁴.

В этих случаях князья готовы жертвовать частью собственного имущества в обмен на последующую военную помощь, что говорит о применении практики политического подкупа. Вероятно, эти явления рассматривались в рамках модели обмена даров на ожидаемые услуги.

В XI–XII вв. южнорусские княжества подвергались частому нападению кочевых народов – печенегов (до середины XI в.) и половцев. Набеги половцев стали регулярными со второй половины XI в. и вплоть до монгольского нашествия являлись одной из самых актуальных проблем внешней политики русских князей. Зачастую для предотвращения будущих нападений князья использовали практику вручения даров.

В 1155 г. половцы принимают дары у Юрия Владимировича, что, однако, не помогло избежать разорений окрестностей Переяслава: «Половци же поймавшие дары оу Гюрга. и ѿ^хша прочь мира не створивше. и много пакости створиша школо Переяслава»²⁵. В 1169 г. для предотвращения нападений на Переяславль дары половцам вручает киевский князь Глеб Юрьевич²⁶.

Из кочевых объединений, соседствовавших на юге с Русью, следует выделить черных клобуков. Сообщения о них фиксируются в летописях начиная с 1146 г.²⁷ Черные клобуки, как объединение различных кочевых сообществ (торков, печенегов, берендеев, ковуев), выступали в качестве вассалов-федератов киевских князей. Основная функция черных клобуков – защита южной границы Руси по рекам Днепру, Стугне и Роси от половцев [Кучкин]. В 1195 г. при сообщении о дарообмене между киевским князем Рюриком Ростиславичем и смоленским князем Давыдом Ростиславичем в качестве одариваемых упоминаются черные клобуки: «потомъ же позва Дѣдъ Чернии Клобуци вси. и тоу попишаса оу него вси Чернии Клоци. и ударивъ и^х дарми многими. и ѿпусти и^х»²⁸. Учитывая важную роль черных клобуков в защите южнорусских земель, дары русских князей следует рассматривать как закрепление договорных отношений.

²¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 269.

²² «Изяславъ же шпаты посла слы своѣ въ Оугры. ко королеви. и в Лахы и в Чехы. с дары великыми и с честью. и ре^ѣ имъ Бѣ вы помози. шже ми са есте ѿли. помогати» (ПСРА. Т. 2. Стб. 385).

²³ «... многы дары высла арципискупу. и мужемъ тѣмъ. златомъ и сребро^ѣ. и съсуды златыми. и сребреными и порты. да бѣша оумолили корола. а бѣ не стоѣлъ на немъ. и волѣ королевы не створилъ» (ПСРА. Т. 2. Стб. 450).

²⁴ «... пославъ Ярославъ Галичкыи. приведе Лахи въ помощь собѣ. и да имъ. ѿг. гривенъ серебра два города. и нача слати къ Ярославу. пусти сна моего къ мнѣ. аль пойду на та ратью» (ПСРА. Т. 2. Стб. 571).

²⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 345.

²⁶ «... иде Глѣбъ к Переяславскыи Половце^ѣ. на сне^ѣ. а къ другыи Половце^ѣ к Русьскыи^ѣ посла река. пождѣте мене ту иду к Переяславлю оумирюса с тѣми Половци. [и] приду к ва^ѣ на миръ. смиривъ же са с Половци и подаривъ и. поѣха ѿ ни^ѣ. Половци же възвратишаса шпаты в Половцѣ» (ПСРА. Т. 1. Стб. 358).

²⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 331.

²⁸ Там же. Стб. 682.

Кроме кочевников как основной внешней угрозы, дары с целью обезопасить собственные земли могли вручаться христианским правителям. В 1150/1151 г. галицкий князь Владимир Володаревич дает откуп венгерскому королю для предотвращения нападения на собственное княжество²⁹.

Дары князя дружине и своим приближенным. Отношения между князем и дружиной в раннем Средневековье во многом строились на принципах равенства и побратимства [Кардини, с. 128–129]. В процессе политогенеза вокруг вождя (князя) собирается группа людей, порывающая с традиционными родовыми ценностями. Человек приобщался к новой группе – дружине, основным занятием которой была война. С течением времени дружинная организация получает элитарный статус. Именно в среде дружинников наиболее интенсивно идет процесс концентрации и перераспределения материальных благ, добытых на войне или во время сбора дани.

В этой связи особенный интерес приобретает процесс отношений между правителем и его дружинниками. Церемония княжеских даров является неотъемлемой частью этих отношений. Образ щедрого правителя, который противопоставляется правителю скупому, нашел отражение в германо-скандинавской эпической традиции, поэмах «Беовульф» и «Старшая Эдда»³⁰.

Получаемые дружинниками княжеские дары не несли экономической выгоды и не рассматривались как материальные ценности в современном восприятии. В основе вручаемых даров лежали представления о славе и удаче их носителя. Золотые предметы, по выражению А. Я. Гуревича, «впитывают» благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества [Гуревич, 2007а, с. 233]. Естественно стремление дружинников к получению даров, которые воспринимались как приобщение к удаче и славе своего вождя.

Подобные отношения были характерны для Руси периода формирования государства. Наиболее показательным примером служит сообщение ПВЛ о пирах Владимира, во время которых он не скупится на дары для своей дружины³¹.

Центральным местом вручения княжеских даров и коммуникации правителя со своими приближенными являлся пир. Изобилие, присутствующее на княжеских пирах, призвано показать степень заботы князя о своих воинах: «И се же паки творяше людемъ своимъ: по вся недѣльѣ устава пиръ творити на дворѣ въ гридницѣ, и приходити бояромъ и гридемъ и сочкымъ идесячьским и нарочитыя мужа, при князи же и безъ князя; бывающе на обѣдѣ том множество от скота мясъ и от звѣрины, и бяше изобило всего»³².

Образ Владимира после крещения Руси во многом олицетворяет образ «идеального князя». Одним из проявлений этого образа является княжеская щедрость к своим приближенным, которая носит по-своему прагматическое значение. Обеспечивая своих дружинников дарами, князь получает взамен преданность в бою и лояльность в мирной жизни [Литвина, Успенский, 2016, с. 55]. В этом контексте дары князя дружине уместно сравнивать с традицией потлача: дружинники, не имея возможности дать равноценный ответ княжеским дарам, заменяют эти дары своей верностью князю.

²⁹ «Володимеръ же то видѣвъ оубоаса. и послаша архиеп̄пу. Кукнишеви и ко инѣма двѣма пискупома. и къ мужемъ королевымъ. и тако домоливса и ва золото много и оумъзди ѿ. да бѣша воротили корола и тако оумолвиша корола поити домови» (ПСРА. Т. 2. Стб. 406).

³⁰ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 109, 173.

³¹ «Володимеръ. повелѣ исковати лжицѣ сребрены части дружинѣ. ре^{си} сице. ѿко сребромъ и злато^{си} не има^{си} налѣсти дружины. а дружиною налѣзу сребро и злато. ѿкоже дѣдъ мои и вѣць мои доискаса дружиною злата и сребра. бѣ бо Володимеръ любя дружину. и с ними думаа ш строи земленѣ^{си}. и ш ратехъ и [о] оуставѣ земленѣ^{си}» (ПСРА. Т. 1. Стб. 126).

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 167.

Одним из показателей преданности князю является образ слуги Бориса Владимировича – Георгия Угурина. В ПВЛ написано о даре, который получил княжеский слуга, – золотой шейной гривне: «... блше штрокъ съ родомъ снѣ Оугърскѣ. именовъ Геурги. югоже люблше повелику Борисъ. бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику»³³. Ответная верность Георгия своему князю проявилась в принятии мученической смерти вместе с Борисом.

При взаимоотношениях князя и дружины обращает на себя внимание важное правило – материальные ценности не должны накапливаться, а должны постоянно находиться в процессе дарения и обмена. Под 1075 г. ПВЛ сообщает о приеме немецких послов киевским князем Святославом Ярославичем. Князь демонстрирует послам свои богатства, однако подвергается осуждению, так как эти богатства не имеют фактической ценности без «вложения» в верных воинов: «Сѣславъ же величаша показа имъ бѣтство свое. шни же видѣвше бещисленое множество. злато и сребро и паволокы. и рѣша се ни въ чтоже юсть. се бо лежить мертво. сего суть кметыѣ луче. мужи бо са доищють и болше сего. сице са похвали»³⁴.

Данная летописная статья выступает антитезой сообщению о пирах Владимира, где, раздавая дары, князь приобретает преданных воинов, и с их помощью может добыть еще больше ценностей.

Образ идеальной дружины старых времен, для которой не имеет значения материальная ценность вручаемого дара, отразилась в недатированной части НПЛ мл: «А дружина его (князя. – Ю. К.) кормяхуса, воюще ины страны и бьущеса и ркуще: “братие, потягнемъ по своемъ князѣ и по Руской землѣ”; глаголющей “мало есть намъ, княже, двусотъ гривенъ”. Они бо (дружинники. – Ю. К.) не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ в серебряныхъ; и расплодили были землю Руськую»³⁵. Видимо, уже во время написания данного сообщения (XII–XIII вв.) в процессе надения дружинников княжескими дарами первостепенную роль приобретает материал изготовления, а не сам процесс дарения. Процедура вручения княжеских даров десакрализуется и носит более прагматическое значение.

Дары князя городскому населению. Княжеские дары населению являются демонстрацией престижа и служат одним из наиболее ярких проявлений репрезентации власти, зачастую выступая существенным фактором княжеской легитимности.

В летописях упоминаются случаи вручения княжеских даров городскому населению в честь церковного праздника или освящения церкви. Первое подобное сообщение появляется под 996 г., где говорится о дарах Владимира Святославича после освящения киевской Десятиной церкви³⁶. В этом же году, согласно НПЛ мл, Владимир устраивает большой пир и раздает дары киевлянам после победы над печенегами и заложения церкви в Васильеве³⁷. Под 1115 г. сообщается о дарах Владимира Всеволодовича Мономаха по случаю освящения церкви Бориса и Глеба в Вышгороде³⁸.

В нескольких летописных сообщениях указывается о дарах князя горожанам, а также организации пира после церемонии интронизации. Раздача князем материальных ценностей на княжеском дворе после богослужения в главном храме города и самого обряда «посаждения

³³ ПСРА. Т. 1. Стб. 134.

³⁴ Там же. Стб. 198–199.

³⁵ НПЛ. С. 104.

³⁶ «... и створи праздникъ великъ въ тѣ днѣ. боларо^а и старцемъ людски^а. и оубоги^а раздѣа имѣнье много» (ПСРА. Т. 1. Стб. 124).

³⁷ «Избывъ же Володимиръ сего, постави же Володимиръ церковь, и творяше праздникъ великъ: 300 бѣрковъсковъ меду росъсыти, и созва боляры своя и старѣйшины своя и посадники своя по всѣмъ градомъ своимъ, раздаваше 300 гривенъ убогимъ. И праздноваша князь днии, и возвращашетсѣ Киеву на Успение святыя богородица, и ту пакы праздникъ творяше свѣтель, съзываше бещисленое множество народъ» (НПЛ. С. 166).

³⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 290.

на стол» выглядит вполне закономерным явлением с точки зрения утверждения им своей функции как подателя общественного благосостояния.

Рассматривая сообщения о дарах князя городскому населению, также следует учитывать политический вес веча в древнерусских городах XII в. Основными участниками вечевых собраний в домонгольской Руси, помимо знати и верхушки торгово-ремесленного населения, были рядовые горожане, которые принимали активное участие в управлении городом в период катаклизмов и политических кризисов [Лукин, 2008, с. 145]. С активной ролью рядовых горожан следует связывать избрания или (довольно частые) изгнания князей с последующей коллективной расправой над княжескими приближенными и разграблением княжеского имущества³⁹.

Вече, как политический коллектив свободного городского населения, заключало «ряд» (договор) с князем. Помимо широко распространенной практики крестоцелования между князем и горожанами, соглашение с князем проявлялось в отдельных процедурах интронизации – княжеских пирах и раздаче даров населению [Лукин, 2006].

Впервые о раздаче даров во время интронизации сообщает ПВЛ под 1015 г. при вокняжении в Киеве Святополка Владимировича (Ярополчича)⁴⁰. В следующем году гривны киевлянам раздает выгнавший Святополка из Киева Ярослав Владимирович, причем дары, видимо, вручаются тем людям, которые поддержали его в борьбе с братом: «Ярославъ иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вои свои дѣлитѣ старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородомъ по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ правду»⁴¹.

Сообщение о княжеском пире, устроенном Изяславом Мстиславичем для киевлян и венгерских послов после интронизации, встречается в Ипатьевской летописи под 1150 г.: «Изаславъ же ѿ стоѣ Софьи. поѣха и съ братьею на Ярославъ дворъ и Оугры позва со собою на шѣдъ и Кианты и ту шѣдавъ с ними. на велицемъ дворѣ на Ярославли и пребъша оу велицѣхъ весельи. тогда же Оугре на фарехъ и на скокохъ. играхуть на Ярославли дворѣ многое множество. Киане же дивахутса Оугромъ множеству и кметства ихъ. и кономемъ ихъ»⁴².

В следующем году сообщается о церемонии интронизации в Киеве Вячеслава Владимировича⁴³. По случаю интронизации князь устроил большой пир для Изяслава Мстиславича, горожан, приглашенных королевских венгерских послов и венгерских воинов. После пира князьями Вячеславом Владимировичем и Изяславом были вручены дары венграм: «Вачьславъ же оуѣха в Киевъ и ѣха къ стѣѣ Софьи. и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего. и позва сна своего Изаслава к собѣ на шѣдъ. и Кианты всѣ и королевы мужи. и Оугры и съ и^x дружиною. и пребъша оу величи любви Вачеславъ же Изаславъ велику чѣть створиста Оугромъ. Вачеславъ же ѿ себе а Изаславъ же ѿ себе. и дарми многыми шдариста и и съсуды и порты. и кономми и паволоками. и всакими дарми»⁴⁴.

П. В. Лукин обращает внимание, что, помимо князей, княжеской дружины и приглашенной венгерской знати, в пирах участвуют киевские горожане. Таким образом, представляется уместным рассматривать политическое значение описанных выше пиров [Лукин, 2006, с. 141].

³⁹ Достаточно упомянуть наиболее показательные события 1136 г. в Новгороде, 1146 и 1147 гг. в Киеве, 1158 г. в Полоцке (НПЛ. С. 209; ПСРА. Т. 2. Стб. 323–327, 349–351, 494–495).

⁴⁰ «Стополкъ же шканнѣи нача княжити Киевѣ. созвѣвъ люди нача давати шѣмъ корзна. а други^а кунами. и раздаа множество» (ПСРА. Т. 1. Стб. 140).

⁴¹ НПЛ. С. 175.

⁴² ПСРА. Т. 2. Стб. 416.

⁴³ Вячеслав Владимирович был приглашен в Киев в 1151 г. Изяславом Мстиславичем. Они вместе правили Киевом до смерти Вячеслава в 1154 г.

⁴⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 418–419.

Показательно, что дары венграм – проявление функций репрезентации власти – Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович вручают по отдельности (каждый от себя), что, вероятно, говорит об индивидуальных властных амбициях каждого из князей.

Единственный раз сообщается о княжеских дарах городскому населению для предотвращения мятежа. В 1158 г. полочанами был составлен заговор против княжившего в городе Ростислава Глебовича с целью приглашения на полоцкий стол Рогволода Борисовича. Ростислав вручил жителям города дары, после между ним и полочанами был заключен договор в форме крестоцелования, что должно было вновь легитимизировать его властные полномочия⁴⁵.

В контексте данного сообщения примечателен факт организации коллективного пира (братчины), устроенного в период христианского праздника – дня свв. Петра и Павла, совпавшего с политическим собранием (вечем). Данное событие напрямую соотносится с распространенными социальными практиками, берущими начало еще в раннесредневековых «варварских» обществах, где праздники, коллективные пиры и дары связаны с политической активностью свободного населения [Лукин, 2006, с. 139–140].

В 1148/1149 г. Изяслав Мстиславич с сыном Ярославом устраивают пир для новгородцев перед большим военным походом на Юрия Владимировича Долгорукого⁴⁶.

При взаимоотношениях нового правителя и городского населения примечательным является случай раздачи княжеского имущества после смерти самого князя. Впервые подобная практика упоминается при вокняжении в Киеве Святополка Владимировича (Ярополчича) в 1015 г. Святополк раздавал имущество своего умершего отца Владимира Святославича⁴⁷. В 1154 г. умирает киевский князь Вячеслав Владимирович. Киевский стол временно оказался в руках его сына Ростислава. В попытке удержать в своей власти Киев (что в конечном итоге не удалось) Ростислав раздает имущество своего отца киевлянам, церквям и монастырям⁴⁸.

При описании взаимоотношений князя и горожан в летописях встречается практика одаривания князя населением городов. Дары князю от представителей города вручались главным образом с целью заключения договора или прославления князя населением. В 1176 г. ростовцы вручают дары владимирскому князю Михалке Юрьевичу: «Михалко же ѣха в Суждаль [с брато^а Всеволо^адо^а]. и и-Суждала Ростову. и створи люде^а весь нарадь. оутвердивъса кр^ст^нымъ цѣлованье^а с ними. и ч^сть возма оу ни^х. и дары многы у Ростовець. и посади брата своего Всеволода. в Переяслави. а са^а възвратиса Володимерю»⁴⁹. В данном случае вручению даров предшествовала церемония заключения договора (ряда), сопровождавшаяся крестоцелованием.

Дары от городского населения вручаются в 1167/1168 г. смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу. Въезд князя в город представлял собой определенную церемонию: встреча князя за пределами города «лучшими мужами», внуками, сыном Романом и епископом; прославление Ростислава и, наконец, наделение его дарами: «и начаша и срѣтати лутшии мужи Смолнаны. за т̄ версть. и за тѣмь оусрѣтоша и внуци и за тѣмь оусрѣте и снѣ Романъ. и еп̄пъ Мануиль. и Внѣздъ. и малѣ не весь градъ. изиде противу ему и тако велми вбродоваша^с вси приходу его.

⁴⁵ «... шдва же оустанови людьє Ростиславъ и шдаривъ многыми дарми и води ѣа къ х̄у» (ПСРА. Т. 2. Стб. 494).

⁴⁶ «Изяславъ же. снѣмъ Ярославъ^а и посласта подвоискѣи и биричѣ по оулицамъ кликати зовучи къ кнзю на шбѣдъ. ѿ мала и до велика. и тако шбѣдавше веселишася. ра^стью великою. ч^стью. разидоша^с въ своа домъ» (ПСРА. Т. 2. Стб. 369).

⁴⁷ «Сватополкъ же сѣде Кыевѣ по шци своемъ. и съзва Кыяны и нача давати имъ имѣнье» (ПСРА. Т. 1. Стб. 132).

⁴⁸ «... и ѣха (Ростислав Вячеславич. – Ю. К.) на Ярославъ дворъ. и съзва мужа ѿца своего Вячеслави. и тивунъи и ключники. каза нести имѣнье. ѿца своего. передъ са. и портъи и золото и серебро. и снесъ все и нача роздавати. по монастыремъ и по црквамъ. и по затворомъ и нищамъ. и тако раздаа все. а собѣ ни приа ничто» (ПСРА. Т. 2. Стб. 473).

⁴⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 379.

и множество даровъ подаша ему»⁵⁰. В этом же году дары Ростиславу Мстиславичу преподносят новгородцы, когда новгородским князем стал его сын Святослав⁵¹.

Большая церемония обмена дарами происходит в 1195 г. Правивший в то время в Киеве Рюрик Ростиславич приглашает к себе на пир и вручает дары смоленскому князю Давыду Ростиславичу, затем приглашает на пир сына Ростислава и также одаривает его. В ответ Давыд приглашает Рюрика и его детей на пир, где вручает им дары. Кроме представителей Рюриковичей, Давыд приглашает на свой пир киевское духовенство и черных клобуков. Пир сопровождается вручением княжеских даров. Затем киевляне зовут Давыда на пир и одаривают «дары многи». За этим следует ответное приглашение киевлян Давыдом⁵².

Под 1185/1186 г. в Лаврентьевской летописи встречается сообщение о дарах полочан смоленскому князю Давыду Ростиславичу для предотвращения нападения на Полоцк коалиции князей⁵³. Показательно, что вручению даров Давыду предшествуют некоторые процедуры. Сначала полочанами собирается вече⁵⁴ для принятия решения: выступать ли против коалиционного войска или договариваться с его главным организатором. После того как было принято решение заключить мир, полочане⁵⁵ направляются к границе Полоцкого княжества («на сумежье»), где происходит торжественная встреча Давыда Ростиславича («с поклоно⁵⁶ и с ч⁵⁷ью») и сама процедура вручения даров – «и даша юму дары многы и оуладишаса». Можно предполагать, что словом «оуладишаса» обозначалось заключение договора о мире⁵⁶.

Княжеские дары церкви и малоимущему населению. Древнерусские представления о княжеской власти тесно связаны с заботой правителя о «нищих и убогих», а также с покровительством князя над церковью и духовенством.

В общем контексте христианского мировоззрения летописец сообщает о заботе Владимира Святославича о «нищих и убогих», проводя параллель с библейским царем Соломоном: «...и Двѣдъ гла҃ча. бл҃жнѣ мужь милуа и даѣа. Соломона же слыша гла҃ча. вѣдѣа⁵⁸ и нищему Бѹ взаимѣ дае⁵⁹. си слышавѣ повелѣ всакому нищему и оубоному приходити на дворѣ кнѣжѣ. и взимати всаку потробу. питѣе и ѡденѣе. и ѿ скотѣннѣцъ кунами. оустрой же и се ре⁶⁰. ꙗко немощнии и болнии не могут долѣсти. двора моего. повелѣ пристроити кола. [и] въскладше хлѣбѣ. маса рыбѣ. швоць разноличнѣи. медь въ бчелка⁶¹. а въ другѣхъ квасѣ. возити по городу въпрашающѣ⁶². кде болнии и нищѣ не могут ходити. тѣмъ раздавѣху на потребу. се же пакы твораше люде⁶³ своимъ по вса недѣла»⁵⁷.

В сообщениях о пирах Владимира главный объект раздачи даров – пища. Пирь подразумевают тотальное гостеприимство, которое является характерной чертой позитивного

⁵⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 528.

⁵¹ Там же. Стб. 529.

⁵² Там же. Стб. 681–682.

⁵³ «Того⁶⁴ лѣта. на зиму иде на Полтескъ. Двѣдъ Ростиславичъ изъ Смолинска. а снѣ юго Мстиславъ изъ Новагорода. изъ Ложьска Василко Володаревичъ. изъ Дреютъска Всеславъ. и слышаша Полочане. и здумаша рекуще. не може мѣ стати противу Новгородце⁶⁵. и Смолнано⁶⁶. аще попустимъ ихъ в землю свою. аще " миръ створимъ с ними. а много ны зла створать. попустат ны землю идучи до насъ. поиде⁶⁷ к ни⁶⁸ на сумежье. и собрашася вси. и идоша к ни⁶⁹. и срѣтоша ѡ на межа⁷⁰ с поклоно⁷¹ и с ч⁷²ью. и даша юму дары многы и оуладишаса. и разидошася в страны своя кождо ихъ [во своя см]» (ПСРА. Т. 1. Стб. 403–404).

⁵⁴ Летописец не указывает на вече, однако по самому контексту сообщения, а также по указанию на совет горожан – «здумаша рекуще» – можно предполагать, что последующие действия полочан были результатом вечевого решения (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 96).

⁵⁵ Вероятно, под полочанами подразумевается городской нобилитет (боярство, «лучшие мужи»).

⁵⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1194.

⁵⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 125–126.

образа любого средневекового правителя. Отказ в гостеприимстве, жадность и скупость правителя ведут к его изгнанию и потере легитимности [Щавелев, с. 127–138].

Анализируя сообщения о пирах Владимира Святославича и раздаче пищи и даров беднякам, можно сделать вывод о включении в дарообмен высших сил. В соответствии с христианским мировоззрением это проявлялось следующим образом: нищие могли представлять божественную сферу (христианских святых, самого Бога). Поэтому, преподнося беднякам дары и устраивая для них пиры, правитель, помимо собственной репрезентации власти и престижа, угождал высшим силам и был вправе надеяться на помощь и заступничество с их стороны.

В данном контексте следует рассматривать практику княжеских даров духовенству и монастырям. Подобная практика упоминается под 1113 г., когда жена Святополка Изяславича раздает княжеское имущество монастырям, духовенству и нищим после смерти киевского князя⁵⁸. Также под 1158 г. говорится о пожертвованиях умершего в 1119 г. в Киеве менского князя Глеба Всеславича и его жены киевскому Печерскому монастырю⁵⁹.

Вместе с вручением княжеских даров в ряде сообщений упоминается об устройстве княжеских пиров для духовенства. В 1184 г. киевским князем Святославом Всеволодовичем был устроен пир для митрополита, киевского духовенства и киевлян⁶⁰. В 1195 г. смоленский князь Давыд Ростиславич организовывает в Киеве пир и преподносит милостыню монастырской братии⁶¹. В 1197 г. Рюрик Ростиславич вместе с княгиней устраивают пир и преподносят дары двум епископам, архимандриту и игумену Выдубицкого монастыря, а также монашеству и священникам⁶².

Дары между князьями. Среди упоминаний княжеских даров практика одаривания между князьями упоминается чаще других случаев. Дары между князьями с целью заключения или поддержания мира, а также союзнических отношений упоминаются 14 раз (см. Приложение). Примечательно, что все сообщения относятся к XII в., то есть периоду непосредственного ведения погодных записей, отраженных в ЛЛ и ИП. Поэтому можно уверенно говорить о существовании в XII в. практики межкняжеской коммуникации между различными ответвлениями династии Рюриковичей, осуществлявшейся в том числе посредством даров и взаимного дарообмена.

Из всех летописных упоминаний о дарах между князьями пять сообщений свидетельствуют о взаимном одаривании.

Взаимный дарообмен в ряде случаев символизировал заключение (или подкрепление) мира между князьями. В 1137 г. происходит обмен дарами между Ярополком Владимировичем и Всеволодом Ольговичем: «И посемь пакы створиста миръ. Ярополкъ. со Свеволодо^м. Улговичемъ. и дары многы межю собою дадаше»⁶³.

Также взаимные дары свидетельствовали о заключении военного союза, как это было между Изяславом и Ростиславом Мстиславичами перед военным походом на Юрия Владимировича Долгорукого⁶⁴.

⁵⁸ «...кнагини же. (жена) его (Святополка Изяславича. – Ю. К.). много раздали бгатьство. монастыремъ. и попомъ и оубогымъ. яко дивитиса всъмъ (людемъ) члвкомъ. яко такоа мѣти никтоже можетъ створити» (ПСРА. Т. 2. Стб. 275).

⁵⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 492–493.

⁶⁰ Там же. Стб. 634.

⁶¹ «Давыдъ позва манастыра вса на шбѣдъ. и бы^с с ними весель. и милостыню силноу раздава имъ и нищимъ и ѿпусти ѿ» (ПСРА. Т. 2. Стб. 682).

⁶² ПСРА. Т. 2. Стб. 706.

⁶³ ПСРА. Т. 1. Стб. 306.

⁶⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 368–369.

Помимо сугубо прагматических политических или военных целей, предполагающих заключение мира или союза, обмен дарами между князьями являлся демонстрацией престижа. В некоторых сообщениях просматривается «соревнование» в демонстрации гостеприимства и, как следствие, статуса, то есть чем более значимы и многочисленны дары, тем более высоким являются престиж и статус князя, который их вручает.

В подобном контексте взаимные дары между князьями встречаются под 1167 г. – приглашение на пир и дарообмен между Олегом Святославичем и Ростиславом Мстиславичем и под 1195 г. – дары между братьями Рюриком и Давыдом Ростиславичами⁶⁵.

Принцип обязательного ответного дара, который предполагает стремление показать как минимум равный статус, прослеживается при описании обмена дарами между Ростиславом Мстиславичем и Святославом Ольговичем под 1159 г.⁶⁶

Также принцип ответного дара можно наблюдать в уже упомянутом случае обмена гостеприимством и дарами между киевским князем Рюриком Ростиславичем и его братом, смоленским князем Давыдом⁶⁷.

В одном из сообщений о практике межкняжеских коммуникаций посредством вручения даров упоминается о вручении материальных ценностей одного князя другому за несение службы. В 1146/1147 г. волынский князь Святослав Всеволодович передает 200 гривен серебра и 21 гривну золота Ивану Ростиславичу Берладнику⁶⁸. В 1144 г. Иван Ростиславич потерял Галицкое княжение и вынужден был скитаться, на протяжении 15 лет он служил со своей дружиной у разных князей. Спустя два года Иван оказался в войске Святослава Всеволодовича. Платой за службу стали серебряные и золотые гривны.

Отдельно стоит отметить описание щедрости князей после их смерти. В летописях подобные случаи упоминаются пять раз. В ЛЛ под 1125 г. в некрологе Владимира Мономаха летописец, характеризуя Владимира как образцового христианина, указывает на его заботу о нуждающихся, а также на выделение средств для духовенства: «тѣмъ и не щадаше имѣнья своего. раздаваа требующи^{мъ}. и църкви зижа и украшаа. чташетъ же излиха чернечскыи чинь. и поповскыи. подаваа имъ еже на потребу»⁶⁹. Согласно панегирику Андрею Боголюбскому, этот князь также проявлял заботу о населении: «паче же на мл^чтѣнню зѣло вхотивъ. ибо брашно свое и медъ по ѡлица^{мъ} на возѣхъ слаше болны^{мъ}. и по затворо^{мъ}»⁷⁰.

В некрологе умершему князю, при описании вручения княжеских даров, большинство сообщений связаны с проявлениями княжеской заботы о дружине. Про заботу князя о дружине говорится в панегирике Святославу Мстиславичу: «имѣаше дружину. и имѣнья не щадаше

⁶⁵ Там же. Стб. 528, 681–682.

⁶⁶ «... тогда же Ростиславъ позва Сѣтослава к собѣ на вѣдѣ. Сѣтославъ же ѣха к нему безо всакого извѣта. и бы^ѣ же радость во тѣ днѣ межю има. и дарове мнози. да бо Ростиславъ Сѣтославу соболми и горностаими. и чернѣми кунами. и песци и бѣльми волкы. и рыбѣими зубы. на заоутрие же. позва. Сѣтославъ. Ростислава к собѣ на вѣдѣ. и тако. быста весела па^ѣ вчерашнего днѣ да Сѣтославъ Ростиславу пардусъ. и два коня борза. оу ковану сѣдлу. и тако розидостаса оу своаси» (ПСРА. Т. 2. Стб. 504).

⁶⁷ «... и позва и Рюрикъ на вѣдѣ. Двѣдъ же приѣха ко Рюрикови на вѣдѣ. и бѣша в любви велици. и во весельи. мнозѣ. и даривъ дары многими и ѡпоусти и. и ѡтолъ позва сновѣцъ его. Ростиславъ Рюриковичъ к собѣ на вѣдѣ. к Бѣдоугородоу и тоу пребѣша в весельи велицѣ и в любви мнозѣ. Ростиславъ вдаривъ дары многими. и ѡпоусти и Двѣдъ же позва великого кнѣза Рюрика на вѣдѣ к собѣ брата своего и дѣти его. и тоу пребѣша в весельи и в любви велицѣ. и вдаривъ Двѣдъ брата своего Рюрика дарми многими и ѡпоусти и» (ПСРА. Т. 2. Стб. 681–682).

⁶⁸ «... а Сѣтославъ с Козельска иде до Дѣдославла. же иде Сѣтославъ. къ Усетроу. и тоу ѡступи его Иванко Берладникъ. къ Ростиславоу Смоленскому кнѣзю вземъ оу Сѣтослава. с. гривенъ серебра. же. в. гривни золота» (ПСРА. Т. 2. Стб. 338).

⁶⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 294.

⁷⁰ Там же. Стб. 368.

не собираше злата и сребра. но даваше дружинѣ»⁷¹. В подобном контексте выдержаны некрологи Мстислава Ростиславича, Владимира Глебовича и Давыда Ростиславича⁷².

Материальное выражение даров. Кроме довольно частых неопределенных летописных упоминаний про «дары», «дары многи», «множество даровъ», «дары велики», «всакии дары», «имѣнье много», «бгатьство», не менее часто в качестве материального воплощения княжеских даров в летописях фигурируют определенные предметы или изделия.

Из всех древнерусских летописных сообщений о дарах и дарообмене наиболее часто встречаются предметы из золота и серебра. Золото в качестве дара упоминается под 907, 911, 944, 955, 1015, 1097 гг. в ПВЛ и ЛЛ⁷³ и под 1146/1147, 1150/1151, 1152/1153, 1154, 1158 гг. в ИЛ⁷⁴. В большинстве сообщений не указывается конкретный предмет, говорится лишь, что среди даров было «злато» (907, 911, 1154 гг.) или «много злата» (944, 955, 1150/1151 гг.). В статье за 6523 (1015) г. упоминается о золотом кольце – нашейной золотой гривне, подаренной князем Борисом своему слуге – Георгию Угрину. В сообщении за 1152/1153 г. фигурирует золотая утварь («съсуды»), подаренная Владимиром Володаревичем венгерскому архиепископу. В остальных случаях встречаются золотые гривны как денежные весовые единицы, которые использовались в качестве платежного средства в XI–XII вв. (1097, 1146/1147, 1158 гг.).

Серебряные предметы в качестве княжеских даров встречаются в летописных сообщениях в 9 случаях: под 955 и 996 гг. в ПВЛ и под 1144, 1146/1147, 1152/1153, 1154, 1158, 1173, 1187 гг. в ИЛ⁷⁵. Часто серебро, как абстрактный образ даров, фигурирует вместе с золотом (955, 996, 1154, 1187 гг.). В сообщении ПВЛ о пирах Владимира (996 г.) единственный раз упоминаются серебряные ложки, которые велел изготовить киевский князь для своей дружины. В сообщениях ИЛ XII в. указываются серебряные гривны, которые использовались в качестве княжеских даров (1144, 1146/1147, 1158, 1173 гг.). Зачастую серебряные гривны упоминаются как княжеский дар вместе с золотыми гривнами (1146/1147, 1158 гг.). В сообщении ПВЛ 1014 г. о раздаче Ярославом Владимировичем гривен новгородским воинам гривны указываются без обозначения драгоценного металла, из которого они могли быть изготовлены. Вместе с золотой утварью в ИЛ сообщается о серебряной посуде («съсуды златыми и сребреными») под 1152/1153 г. (уже упомянутый дар Владимира Володаревича венгерскому архиепископу).

Дважды в сообщениях упоминаются драгоценные изделия – «оузорочье». «Всякое оузорочье» было в числе даров вместе с шелком, золотом, овощами и вином, преподнесенных византийскими василевсами Львом VI и Александром Олегу⁷⁶. Также «Оузорочь разноличная» вместе с бархатом («вксамоты») и шелком описываются как дар византийского императора Мануила I Комнина киевскому князю Ростиславу Мстиславичу в 1163 г.⁷⁷

В сообщениях о ранней истории руси дважды в качестве княжеских даров фигурируют рабы (челядь). В 945 г., согласно ПВЛ, во время заключения соглашения с византийцами князь Игорь одарил византийских послов: «скорое. и чаладью и воскомъ»⁷⁸. Под 955 г. рабы, наряду с мехами и воском, упоминаются в контексте «дипломатических переговоров» византийского императора и княгини Ольги⁷⁹.

⁷¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 551.

⁷² Там же. Стб. 611, 653, 703.

⁷³ ПСРА Т. 1. Стб. 32, 37, 45, 61, 134, 269.

⁷⁴ ПСРА Т. 2. Стб. 338, 406, 450, 473, 493.

⁷⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 54, 125, 130; Т. 2. Стб. 316, 338, 450, 473, 493, 571, 658.

⁷⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 32.

⁷⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 552.

⁷⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 54.

⁷⁹ Там же. Стб. 62–63.

Торговля русов рабами, захваченными во время военных набегов или выкупленными у местных славянских вождей во время зимнего полюдья, являлась важнейшим источником восточноевропейской торговли X в. и материального благосостояния первых русских князей [Толочко, с. 219–230]. В данном случае сообщения ПВЛ могут свидетельствовать о торговых практиках руси X в. Показательно, что, согласно представлениям летописцев XI – начала XII в. о ранней руси, при налаживании «дипломатических» отношений или заключении торгового договора рабы могли использоваться в качестве дара.

Еще одно упоминание о рабах (челяди) встречается в ИЛ под 1158 г. В данном случае под челядью понимается зависимое крестьянское население, которое вместе с селами было передано женой Глеба Всеславича Печерскому монастырю⁸⁰. «Челядь» 1158 г., как зависимое крестьянское население, не имеет прямого отношения к «челяди» X в. Последний термин используется для обозначения «живого товара» на торговых путях между Восточной Европой, Арабским халифатом и Византией.

В качестве даров X в. неоднократно упоминается шелк («паволоки»). Шелк в качестве дара византийских императоров русским князьям фигурирует в ПВЛ под 907, 911, 944, 955, 971 гг.⁸¹ Данные сообщения касаются отношений ранней руси и Византии. Византия в раннем Средневековье была единственной страной, производящей шелк. В представлении русов богатство империи предстало в обилии шелка и шелковых одежд, а шелковые ткани являлись одним из основных источников византийского импорта на земли Рюриковичей [Толочко, с. 252]. Спустя два столетия, в 1163 г., шелк в качестве дара вручается византийским императором Мануилом I Комнином Ростиславу Мстиславичу⁸².

В летописных сообщениях XII в. шелковые ткани фигурируют среди даров Владимира Мономаха вышгородцам в 1115 г.⁸³, а также упоминаются в сообщениях, описывающих отношения как внутри династии Рюриковичей, так и с правителями других государств (сообщения 1147, 1151 гг.)⁸⁴.

В качестве дара дважды упоминается и дорогая золототканая материя – фодудья (греч. φοφουδότης). По сообщению ПВЛ, византийский император Лев VI Мудрый преподнес фодудью в числе прочих даров киевскому князю Олегу в 911 г.⁸⁵ В следующий раз фодудья вместе с шелком («паволокы») и беличьими мехами («урничъ. бѣль») упоминается в качестве дара Владимира Мономаха населению Вышгорода по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.⁸⁶

Несколько раз говорится о княжеских дарах мехами. Так, например, меха «скора» встречаются в упомянутом выше сообщении 945 г. о заключении мира между Игорем и Византией⁸⁷. Меха вместе с рабами и воском в X – начале XI в. имели большой спрос на византийских и восточных рынках, где меха являлись показателем высокого статуса и престижа.

Под 1015 г. в качестве княжеских даров Святополка Владимировича (Ярополчича) киевлянам единственный раз упоминаются княжеские плащи («корзна»): «Сѣополкъ же вканныи нача княжити Къievѣ. созвѣ люди нача даати вѣвѣмъ корзна. а други⁸⁸ кунами.

⁸⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 492–493.

⁸¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 32, 37, 45, 61, 70.

⁸² ПСРА. Т. 2. Стб. 522.

⁸³ ПСРА. Т. 1. Стб. 290.

⁸⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 339, 419.

⁸⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 37–38.

⁸⁶ Там же. Стб. 290.

⁸⁷ Там же. Стб. 54.

и раздаа множество»⁸⁸. Учитывая, что княжеский плащ – корзно – достаточно дорогой элемент одежды, вероятно, этот дар Святополка был адресован не широким слоям населения (им, видимо, достались серебряные монеты-куны), а небольшому количеству людей – местному боярству, которое выступало на его стороне в борьбе с Ярославом Владимировичем.

Несколько раз в качестве княжеских даров выступает княжеская одежда – «порты». В «Поучении» Владимира Мономаха князь упоминает о дарах, которые он преподнес после заключения мира половцам. Помимо «скота много» (в значении крупного рогатого скота), Мономах подарил печенегам «многы порты своѣ»⁸⁹. «Порты» упоминаются при вручении даров Изяслава Мстиславича венграм в 1151 г., «порты» дарит венгерскому архиепископу в 1152/1153 г. Владимир Володаревич⁹⁰. В 1154 г. после смерти киевского князя Вячеслава Владимировича его сын Ростислав раздает киевлянам имущество покойного отца, в числе которого также было княжеское одеяние – «порты»⁹¹.

Оружие в качестве дара, символизирующего заключение договора или союза, фигурирует в сообщениях, посвященных периоду правления Святослава Игоревича (сообщения 968 и 971 гг.). Оружие приобретало сакральный смысл и в представлениях дружинной элиты обладало магическими свойствами [Долгов, с. 49]. В скандинавском героическом эпосе «Старшая Эдда», в Речах Высокого, оружию как дару придается особое значение⁹².

Скандинавские этические нормы, по всей видимости, существенно не отличались от представлений дружинной руси X в. Достаточно привести в качестве примера сообщение ПВЛ об упреке Игоревых воинов своему князю, что они, в отличие от дружинников воеводы Свенельда, недостаточно обеспечены одеждой и оружием⁹³.

Из пищи в качестве даров упоминаются овощи (907, 996 гг.), вина (907 г.), мед, хлеб, мясо, рыба, квас (996 г.)⁹⁴. В большинстве случаев пища раздается князем или княжескими слугами подвластному населению. Данные действия формируют позитивный образ правителя как гаранта общественного благополучия.

Дважды в качестве даров упоминаются кони (1151 и 1159 гг.)⁹⁵. Оба сообщения описывают дары во время пира между князьями. Особенно показательно выглядит сообщение 1159 г., где при описании пира и дарообмена между Ростиславом Мстиславичем и Святославом Ольговичем упоминаются вещи, экзотические для древнерусских земель. Помимо (шкур?) соболей, горностаев, песцов, Ростислав одарил Святослава Ольговича «бѣлыми волкы. и <рыбьими зубы> (моржовыми клыками). Ответными дарами Святослава Ольговича были кони, седла и барс: «тогда же Ростиславъ позва Стослава к собѣ на вбѣдѣ. Стославъ же ѣха к нему безо всакого извѣта. и бы^с же радость во тѣ днѣ межю има. и дарове мнози. да бо Ростиславъ Стославу соболми и горностаими. и черными кунами. и песци и бѣлыми волкы. и рыбьими зубы. на заоутрие же. позва. Стославъ. Ростислава к собѣ на вбѣдѣ. и тако. быста весела па^с вчерашнего днѣ да Стославъ Ростиславу пардусъ. и два коня борза. оу ковану сѣдлу. и тако розидостаса оу своѣси»⁹⁶.

Таким образом, в Древней Руси процесс дарения и дарообмена происходил преимущественно внутри династии Рюриковичей: как между представителями одной семейной

⁸⁸ Там же. Стб. 140.

⁸⁹ Там же. Стб. 250.

⁹⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 419, 450.

⁹¹ Там же. Стб. 473.

⁹² Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 193.

⁹³ ПСРА. Т. 1. Стб. 54.

⁹⁴ Там же. Стб. 32, 125–126.

⁹⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 419, 504.

⁹⁶ Там же. Стб. 504.

линии, так и между представителями различных семей одной династии (Мономашичами, Ольговичами, старшими Ярославичами). Основной целью даров в среде Рюриковичей было установление мира, заключение политических союзов или поддержание союзнических отношений. Зачастую вручение даров являлось демонстрацией престижа и властного статуса князя.

Также летописи указывают на множество случаев вручения даров и дарообмена между Рюриковичами и правителями других христианских государств: византийскими императорами, венгерскими, польскими и чешскими королями. Целью одаривания в данных случаях является заключение торговых, политических или военных союзов. Неоднократно упоминаются вручения даров русскими князьями половцам с целью заключения мира или предотвращения нападения на южнорусские земли. Как подтверждение договорных отношений княжеские дары вручались тюркскому объединению черных клобуков, которые выступали в качестве федератов русских князей на границе со Степью.

Вручение даров являлось важнейшим средством поддержания устойчивых связей князя со своими приближенными (дружиной), а также с рядовым населением.

В первом случае раздача даров воспринималась получателями как приобщение к удаче и славе своего правителя. Основным проявлением позитивного образа князя являлась его щедрость в противовес скупости и стремлению к накопительству.

Княжеские дары были важной составляющей взаимоотношений князя и горожан. В домонгольской Руси вечевые собрания, включавшие в себя широкие слои свободного населения городов, в нередкие периоды недовольства княжеской властью представляли серьезную угрозу для самих князей. Дары князя горожанам, а также устраиваемые пиры являлись одним из проявлений договорных отношений между князем и городским населением.

На положительном образе князя как источнике общественного благосостояния сказывается раздача даров церкви и малоимущим людям. Во время раздачи даров монастырям, духовенству, «нищим и убогим» княжеские дары выступают связующим звеном коммуникации правителя с высшими силами, а также обеспечивают поддержку княжеской власти со стороны церкви.

Как правило, вручение даров или обмен дарами происходили на пирах. Социальный институт пира в данном случае являлся важнейшим местом налаживания и поддержания социальных связей, центром демонстрации власти и престижа.

Материальная составляющая вручаемых даров весьма разнообразна. При описании периода X – первой половины XI в., когда речь идет об обмене дарами между киевскими князьями и византийскими императорами, в числе предметов фигурируют товары, характерные как для византийского импорта на земли Руси – золото, серебро, предметы роскоши, шелк, так и товары, поставляемые с территории Руси на византийские рынки – рабы, воск, меха. Также, согласно представлениям летописцев, для дохристианского периода в качестве даров могло использоваться оружие.

В период XI–XII вв. значительная часть даров состоит из золотых или серебряных изделий – дорогая утварь, гривны. Среди княжеских даров в сообщениях часто фигурирует одяние или дорогой материал – шелк, фодудья, порты, корзна. Во время раздачи даров населению используется пища, что зачастую соотносится с устраиваемыми княжескими пирами.

Таким образом, анализ восточнославянских летописных источников дает основания утверждать, что дар и дарообмен являлись одним из ключевых факторов социальной коммуникации и репрезентации власти не только в архаических коллективах и варварских обществах раннего Средневековья, но и в период древнерусской государственности XI–XII вв.

Приложение

Упоминания о княжеских дарах (X–XII вв.)
в древнерусских летописях

№	Наименование дара	Летописная дата
1.	Дары побежденной стороны правителю после похода	6415; 6479 (ЛЛ)
2.	Дары побежденной стороны правителю после заключения мира (договора)	6420; 6452 (ЛЛ)
3.	Дары между правителями государств	6672 (ИЛ)
4.	Дары правителю при дипломатическом приеме	6463 (ЛЛ)
5.	Дары князя иноземным послам	6494; 6495 (ЛЛ)
6.	Дары князя иноземцам для установления мира (союза)	6453; 6476; 6605 (ЛЛ); «Поучение» Владимира Мономаха детям (ЛЛ); 6657; 6658; 6660; 6682; 6700; 6703 (ИЛ)
7.	Дары князя иноземцам для предотвращения нападения (после заключения мира)	6663; 6677 (ЛЛ); 6658; 6663 (ИЛ)
8.	Дары князя дружине и своим приближенным	6504; 6523 (ЛЛ); 6654 (ИЛ)
9.	Дары князя населению по случаю церковного праздника или освящения церкви	6504; 6623 (ЛЛ); 6504 (НЛ мл)
10.	Дары князя горожанам после интронизации	6523 (ЛЛ); 6658; 6659 (ИЛ); 6524 (НЛ мл)
11.	Дары князя горожанам с целью предотвращения мятежа	6667 (ИЛ)
12.	Пир, устроенный князем населению перед военным походом	6656 (ИЛ)
13.	Раздача князем имущества своего предшественника после его смерти	6662 (ИЛ)
14.	Дары населения князю (при заключении договора или для предотвращения нападения)	6684; 6694 (ЛЛ); 6676; 6703 (ИЛ)
15.	Дары князя монастырю и духовенству	6621; 6666; 6691; 6703; 6705 (ИЛ)
16.	Дары князя малоимущим	6504; 6633; 6683; (ЛЛ); 6621; 6662; 6683; 6695; 6703 (ИЛ); 6504 (НЛ мл)
17.	Дары между князьями с целью заключения (поддержания) мира, закрепления союза	6635; 6646 (ЛЛ); 6631; 6636; 6652; 6654; 6655; 6656; 6668; 6676; 6678; 6695; 6701; 6703 (ИЛ)
18.	Дары князя другому князю за службу	6654 (ИЛ)
19.	Описание щедрости князя после его смерти	6633; 6683 (ЛЛ); 6680; 6683; 6686; 6695; 6705 (ИЛ)

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
- Груша А. Credo quia veru: аб прычыне адсутнасці пісьменнасці ў варварскім грамадстве (метадалагічны аспект) // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 2. С. 3–14.
- Гуревич А. Я. Дары. Обмен дарами // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 129–134.
- Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. 560 с. [Гуревич, 2007а]
- Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. 352 с. [Гуревич, 2007б]
- Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. 398 с.
- Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. 382, [1] с.
- Долгов В. В. «Волшебные мечи» в системе религиозного мировоззрения Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2007. № 3. С. 49–54.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. 360, [1] с.
- Кучкин В. А. Ковуи: Расселение, статус, миграции // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2019. № 1 (49). С. 4–18.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Испытание дарами на пути «из варяг в греки»: дипломатический этикет и повествовательная формула // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М., 2016. С. 55–62.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018. 191 с.
- Лукин П. В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей. Человек в истории. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 134–150.
- Лукин П. В. Вече: социальный состав // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147.
- Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. (Славяно-германские исследования. Т. 6). 280 с.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. 413, [2] с.
- Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015. 336 с.
- Турилов А. А. Образ правителя в летописных «некрологах» XI–XIII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тезисы докладов. М., 2004. С. 86–89.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. Ч. 2. 256 с.
- Цукерман К. Наблюдение над сложением древнейших источников летописи // *Collectanea borisoglebica*. Paris, 2009. P. 183–306.
- Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. 878, [1] с.
- Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. М., 2007. 270, [1] с.
- Modzelewski K. *Barbarzynska Europa*. Warszawa, 2004. 519 s.

References

- Berezhkov, N. G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of Russian Chronicles]. Moscow, 1963. 376 p.
- Danilevskii, I. N. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Old Rus through the Eyes of Contemporaries and Descendants (9th – 12th Centuries)]. Moscow, 1998. 398 p.
- Danilevskii, I. N. *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of Source Studies of Chronicle Texts]. Moscow, 2004. 382, [1] p.
- Dolgov, V. V. “Volshebnye mechi” v sisteme religioznogo mirovozzreniya Drevnei Rusi [“Magic Swords” in the System of Religious Worldview of Old Rus]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2007. No. 3. Pp. 49–54.
- Froyanov, I. Ya. *Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kievan Rus. Essays on Social and Political History]. Leningrad, 1980. Part 2. 256 p.
- Grusha, A. *Credo quia veru: ab prychnye adsutnasti pis'mennosti v varvarskim gramadstve (metadalagichny aspekt)* [Credo Quia Veru: the Reason for the Lack of Literacy in a Barbaric Society (Methodological Aspect)]. In *Belaruskі gіstarychny chasopіs*. 2009. No. 2. Pp. 3–14.

- Gurevich, A. Ya. Dary. Obmen darami [Gifts. Gift Exchange]. In *Slovar' srednevekovoi kul'tury*. Moscow, 2003. Pp. 129–134.
- Gurevich, A. Ya. Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir [Selected Works. The Medieval World]. Saint Petersburg, 2007. 560 p. [Gurevich, 2007a]
- Gurevich, A. Ya. Izbrannye trudy. Drevnie germantsy. Vikingi [Selected Works. The Ancient Germans. Vikings]. Saint Petersburg, 2007. 352 p. [Gurevich, 2007b]
- Kardini, F. Istoki srednevekovogo rytsarstva [The Origins of Medieval Chivalry]. Moscow, 1987. 360, [1] p.
- Kuchkin, V. A. Kovui: Rasselenie, status, migratsii [Kovui: Settlement, Status, Migrations]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2019. No. 1 (49). Pp. 4–18.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Ispytanie darami na puti “iz varyag v greki”: diplomaticheskii etiket i povestvovatel'naya formula [The Test of Gifts on the Way “from the Vikings to the Greeks”: Diplomatic Etiquette and Narrative Formula]. In *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoi kommunikatsii v Evrope. 1000–1700 gg.* Moscow, 2016. Pp. 55–62.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodeistviya [Praise of Generosity, a Bowl of Skulls, Golden Luda... The Contours of Russian-Varangian Cultural Interaction]. Moscow, 2018. 191 p.
- Lukin, P. V. Prazdnik, pir i veche: k voprosu ob arkhaiskikh chertakh obshchestvennogo stroya vostochnykh i zapadnykh slavyan [Celebration, Feast and Veche: on the Question of Archaic Features of the Social System of the Eastern and Western Slavs]. In *Odissei. Chelovek v istorii. Feodalizm pered sudom istorikov*. Moscow, 2006. Pp. 134–150.
- Lukin, P. V. Veche: sotsial'nyi sostav [Veche: Social Composition]. In *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya*. Moscow, 2008. Pp. 33–147.
- Mikheev, S. M. Kto pisal “Povest' vremennykh let”? [Who Wrote *The Tale of Bygone Years*?]. Moscow, 2011. (Slavyano-germanskii issledovaniya. Vol. 6). 280 p.
- Modzelewski, K. Barbarzyska Europa. Warszawa, 2004. 519 s.
- Moss, M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii [Societies. Exchange. Personality. Proceedings on Social Anthropology]. Moscow, 2011. 413, [2] p.
- Tolochko, A. P. Ocherki nachal'noi rusi [Essays on Initial Rus]. Kiev; Saint Petersburg, 2015. 336 p.
- Tsukerman, K. Nablyudenie nad slozheniem drevneishikh istochnikov letopisi [Observation of the Composition of the Oldest Sources of the Annals]. In *Collectanea borisoglebica*. Paris, 2009. Pp. 183–306.
- Turilov, A. A. Obraz pravatelya v letopisnykh “nekrologakh” XI–XIII vv. [The Image of the Ruler in the Annalistic “Obituaries” of the 11th – 13th Centuries]. In *Reprezentatsiya verkhovnoi vlasti v srednevekovom obshchestve (Tsentral'naya, Vostochnaya i Yugo-Vostochnaya Evropa). Tezisy dokladov*. Moscow, 2004. Pp. 86–89.
- Shakhmatov, A. A. Razyskaniya o russkikh letopisyakh [Searches in Russian Chronicles]. Moscow, 2001. 878, [1] p.
- Shchavalev, A. S. Slavyanskii legendy o pervykh knyaz'yakh [Slavic Legends of the First Princes]. Moscow, 2007. 270, [1] p.

Yury N. Kezha

Polotsk State University, Polotsk, Republic of Belarus

GIFTS OF PRINCES IN OLD RUS:
SYMBOLIC FORMS OF COMMUNICATION AND REPRESENTATION OF POWER

Based on the analysis of Old Russian chronicles, the article examines the practice of princely gifts in the Old Russian society of the 11th – 12th centuries. It is determined between what subjects, under what circumstances and for what purpose the ceremony of gifting and gift exchange took place. It is considered what items were presented in the form of gifts. An analysis of the East Slavic annalistic sources gives grounds to assert that gift exchange was one of the key factors of social communication and representation of power not only in archaic collectives and barbarian societies of the early Middle Ages, but also during the period of Old Russian statehood of the 11th – 12th centuries.

Keywords: gifts, gift exchange, princes, princely power, Old Rus, Old Russian society

